

УДК 343.1

РОЛЬ ТЕРМИНОВ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

© 2018 г.

В.Ф. Голованова, С.С. Тихонова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

nio.golovanova@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.08.2018

Исследуется роль терминов в юридической практике. Также рассматриваются профессионализмы как «полуофициальные» слова. Акцентируется внимание на юридических терминах и их роли в текстах нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: юридические термины, терминология, профессионализмы, нормативно-правовой акт.

Каждая профессия имеет свою лексику, основу которой составляют **термины**.

Специальные слова (термины) обозначают имя понятия [1, с. 116], входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний [2] (медицины, экономики, экологии, юриспруденции и т.д.). Соответственно *юридические термины* представляют собой словесное обозначение понятий, входящих в систему понятий юриспруденции, имеющих значение для юридической деятельности. Но существуют и профессионализмы – слова, относящиеся к той или иной профессиональной группе, которые обозначают различные процессы, реалии определённой профессиональной деятельности и т.д. Например, в речи полиграфистов можно встретить «**подвал**», что обозначает нижнюю часть газетной страницы; «**накладка**» – ошибка в речи актёров; «**баранка**» – руль в речи шофёров; «**камбуз**» – кухня на корабле; «**висяк**» – нераскрытое преступление в речи юристов и т.д. Такие слова не имеют научного характера.

Профессионализмы функционируют преимущественно в устной речи как «полуофициальные» слова, которые не имеют строго научного характера. Важным критерием юридической техники является правильное соблюдение норм общелитературного языка. Субъекты юридической деятельности должны быть не только профессионалами своего дела, но и грамотными людьми, умеющими пользоваться лексикой современного русского языка. В свое время по поводу использования в языке юридического жаргона негативно высказал свою точку зрения известный правовед А.С. Пиголкин: «...Хотелось бы решительно выразиться против так называемого «правового жаргона», который иногда все же применяется в нормативных актах, судебных решениях, в нашей учебной и монографической литературе» [3]. Поэтому широкого распространения в литературном

языке они не имеют, сфера их употребления ограничена в основном устной речью.

Существует такое понятие, как терминология. Это совокупность терминов какой-либо отрасли знаний. Терминология отражает исторический процесс накопления и осмысления знаний в определенной области деятельности.

Терминология обладает теми же признаками, что и любая лексико-семантическая группа: синонимией (**закон – кодекс, ответственность – наказание, обыск – досмотр**), антонимией (**адвокат – прокурор, права – обязанности, купля – продажа**), паронимией (**наследование – наследство, подсудность – судимость, осмотр – досмотр, преступление – преступность**), градацией (**мягкое наказание – более мягкое – ниже низшего предела**), родовидовыми понятиями (**соучастники преступления: организатор, исполнитель, пособник, подстрекатель; платежи: налог, сбор, пошлина**).

Термины отдельной отрасли права соответствуют кодексу, функции которого многообразны. Он может защищать права и свободы человека и гражданина, общественный порядок и общественную безопасность; охранять здоровье человека, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации; определять правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности, других вещных прав, интеллектуальной собственности; регулировать отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность; устанавливать государственные гарантии трудовых прав и свобод граждан; либо регулировать жилищные права и семейные права и отношения, а также отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации и т.д. Каждая отрасль права определяется спецификой обозначаемых понятий или терминов.

Все термины права можно разделить на общеправовые и специальные. Общеправовыми являются те термины юридического характера, которые используются или могут использоваться во всех (или во многих) отраслях права и имеют одно и то же значение. К ним возможно отнести такие, как *право, зачет, исполнитель, гражданин, гарантии, арбитраж, правосудие, подсудность, законность* и многие другие.

Специальными можно назвать те термины, которые характерны только для одной отрасли права. Как правило, они обусловлены назначением и содержанием определенного кодекса и отражают его специфику. Так, *налог, налогоплательщик, акциз, сбор* отражают содержание Налогового кодекса; *родители, брак, семья, супруг* – термины Семейного кодекса; *амнистия, помилование, сговор, соучастие, умысел, преступление* раскрывают содержание Уголовного кодекса; *оклад, прогул, зарплата, стаж, отпуск, надомник* – взяты из Трудового кодекса и т.д.

Как разновидность специальных терминов являются термины, которые используются в процессуальных кодексах, отражающих специфику судопроизводства, например: *следствие, прокурор, подсудимый, свидетель, обыск, допрос, досмотр стороны, отвод, истец, ответчик, задержание, протест, прения, следователь* и др.

Юридические термины могут быть включены в текст нормативно-правового акта, а могут существовать только в доктрине. Так, например, в действующем кодифицированном уголовном законе не употребляются такие термины, как «длящееся преступление», «идеальная совокупность», «квалифицирующие признаки», «множественность преступлений», «ограниченная вменяемость», «причинная связь», «фактическая ошибка» и т.д.

Юридические термины, включенные в текст нормативно-правовых актов, составляют лишь одну из групп терминов, используемых в них [4, с. 40], хотя и весьма значительную, поскольку выполняют роль «стержня, вокруг которого концентрируются все другие языковые единицы» (В.М. Савицкий), служат исходным материалом для строительства нормативно-правовых предписаний [5]. Именно поэтому считается – «чем совершеннее правовая терминология, тем эффективнее процесс оперирования содержанием текстов, направленный на правильное и единообразное понимание и применение нормативных предписаний» [6]. *Общепотребительные слова*, в отличие от терминов, выполняют в большей степени функцию связующих элементов, обеспечивая смысловую целостность норматив-

ного текста, включая логические связи между терминами [1, с. 114–115]. Поэтому умалять значимость правильного употребления данных слов в тексте нормативно-правового акта не стоит.

А.А. Ушаков справедливо замечал, что многие общепотребительные слова в языке права переосмыслены и обозначают особые юридические понятия. Но термин лишен возможности развивать свое значение, поэтому у него не может быть переносного значения, оттенков значения. Следовательно, по отношению к термину нельзя говорить о его прямом и переносном значении. Значит, юридические термины существуют как термины только в пределах одной терминосистемы.

Следует заметить, что, в отличие от *имени понятия*, само *понятие* есть идеальный конструкт, то есть помысленное, представленное в профессиональном мышлении явление [7, с. 68]. Таким образом, соотношение понятия и термина, в частности «юридического понятия и юридического термина, есть не что иное, как соотношение содержания и формы» [1, с. 116].

Юридические термины могут быть классифицированы по различным основаниям.

Так, в зависимости от источника возникновения (а точнее – происхождения) юридические термины могут быть *русскоязычными* («действие», «порядок» и т.д.) или *иностранными* («геноцид», «документ», «контрабанда» и т.д.) [1, с. 124]. В зависимости от сферы распространения юридические термины могут быть *общеправовыми* (использующимися во всех отраслях права), *межотраслевыми* (использующимися, как минимум, в двух отраслях права), *отраслевыми* (использующимися в одной отрасли права) [1, с. 124]. В отечественной правовой науке предлагается классифицировать юридические термины и в зависимости от времени использования – на *устоявшиеся* (использующиеся «длительное время») и *новые* (появившиеся в постсоветский период и имеющие в связи с этим «небольшой срок использования» [1, с. 121; 8]).

В зависимости от конструкции (степени сложности) [1, с. 123; 4, с. 45] юридические термины подразделяются на *однословные* (*однокомпонентные, односоставные*) и *многословные* (*многокомпонентные, многосоставные*). Последние именуется *терминологическими сочетаниями*, т.е. сочетаниями двух или более слов, объединенных подчинительной связью [9]. Стандартные *двухкомпонентные* терминологические словосочетания создаются по формуле «существительное + прилагательное» («прямой умысел», «тяжкое преступление», «условное осуждение» и т.д.) или «существительное + существительное в косвенном падеже» («лишение свободы», «сроки давности» и т.д.).

Говоря об оптимальной конструкции юридического термина (терминологического сочетания), необходимо помнить о проблеме обеспечения *понимаемости права как условия его исполнимости* [1, с. 114].

Поскольку реакция адресата на содержание текста (перлокутивный эффект) зависит как от способности создателя текста письменно выразить свою мысль [10], так и от способности адресата к усвоению текста определенной сложности, законодатель должен уметь прогнозировать результат осмысления текста адресатом нормативно-правового акта, конструируя его с учетом потенциальных возможностей адресата. В свое время Ш. Монтескье писал о том, что «законы предназначены для людей посредственных» [11], то есть для обывателей. Необходимость изложения законов «доступным языком» отстаивалась в работах Г.Ф. Шершеневича [12]. Обращаясь к уголовному законодательству, следует признать его адресатом всех граждан Российской Федерации. Однако, признавая это, следует согласиться с М.Б. Костровой в том, что «требование ясности, простоты и доступности языка закона для *всех* людей никогда не может быть реализовано в российском уголовном законодательстве» [13]. Только полный отказ от юридической терминологии мог бы обеспечить понятность уголовного закона всем членам общества. Однако такой отказ невозможен.

В этой связи необходимо определить *пределы демократизации языка уголовного закона* – допустимую степень упрощения его текста в целях обеспечения легкости восприятия уголовно-правовых предписаний большинством населения Российской Федерации [14]. Государству следует стремиться вырабатывать у населения потребность в повышении уровня своей правовой культуры за счет уяснения специальной отраслевой юридической терминологии. В то же время в целях повышения коммуникативной эффективности нормативно-правовых предписаний одной из задач законодателя должно являться стремление к конструированию максимально простой терминологии – однословных терминов [15] либо двухкомпонентных терминологических сочетаний. Относительная сложность как запоминания, так и повседневного использования трех-, четырех- (и более) составных терминологических сочетаний приводит к их самостоятельному «укорачиванию» адресатами нормативно-правовых предписаний, «словесному уплотнению», а значит – к искажению юридической терминологии, превращению ее в «мертвую терминологию» (так, например, зачастую в целях сокращения количества слов-компонентов «принудительные ме-

ры воспитательного воздействия» называют «воспитательными мерами», «принудительные меры медицинского характера» – «медицинскими мерами» и т.д.). В этой связи следует признать нецелесообразным создание в доктрине и введение в текст нормативно-правового акта сложных терминологических конструкций и поддержать позицию Д.А. Керимова, в работах которого отстаивается *требование краткости юридической терминологии*.

Нельзя не отметить позицию ученых, признающих многословное терминологическое сочетание более удобной (адекватной) конструкцией за счет передачи словами-компонентами уточняющих признаков называемого понятия [16]. С данной позицией трудно согласиться. Несмотря на то что слова-компоненты, входящие в терминологическое сочетание, являются не профессионально юридическими, а общеупотребительными («добровольная + сдача», «обязательные + работы», «организованная + группа» и т.д.), при вхождении в терминологическое сочетание они приобретают иную содержательность – подвергаются терминологизации, т.е. наделяются специальным смыслом. Общеупотребительное значение данных слов раскрывается в толковых словарях русского языка, однако их словарное значение не сможет объяснить сути обозначаемого юридического явления. По образному выражению Р. Иеринга, подобно тому, как нельзя понять содержание математической формулы, выраженной простыми буквами и цифрами, если не знать законов математики, нельзя понять и содержание юридических понятий, выраженных простыми словами [17]. Итак, *юридический смысл какого-либо понятия, выраженного при помощи терминологического сочетания, не может быть познан путем суммирования словарного значения слов-компонентов*. А значит, не требуется «наращивания» данных слов при создании юридической терминологии.

Следует отметить, что юридические термины могут быть получены путем *транстерминологизации (терминологической миграции)* [4, с. 37], то есть заимствования из другой области знаний и адаптирования к задачам юриспруденции [1, с. 117], (например, «аффект», «эпидемия» и т.д.). Характеризуя данные юридические термины, которые принято называть *консолидированными*, Н.Н. Тарасов отмечает, что к ним относятся термины, «в связи с практическими целями или исследовательскими задачами «втянутые» в сферу права, получившие собственно юридическое содержание и приобретшие статус правовых в силу их укоренения в аппарате юриспруденции» [7, с. 69].

В зависимости от соотношенности и связанности выражаемых терминами понятий все тер-

мины права можно условно разделить на несколько рядов (семантических групп), самые многочисленные из которых называют: 1) виды правоотношений; 2) юридические факты (действия, события, состояния), с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений; 3) объекты прав и преступлений; 4) субъектов права и преступлений.

Для того чтобы закон мог успешно регулировать права и обязанности граждан и охранять их, необходимо, чтобы его терминология была прежде всего точной. Семантическая определенность является существенной особенностью термина: значение термина должно быть равным его понятийному содержанию, т.е. прямому и однозначному соотношению с обозначаемым явлением. Это обязательное требование.

Например, слова *граждане* и *лица*. Некоторые юристы считают, что это слова-«дублиеты». Но так ли это?

То же самое можно сказать и о сочетаемости слов *территория* и *пределы*: *вне пределов Российской Федерации* (ст. 12 УК РФ), но *на территории Российской Федерации* (ст. 11 УК РФ) [18], *на территории иностранного государства* (ст. 12 УК РФ) [18].

Территория в языке права используется в первом значении: «пространство земли, внутренних и прибрежных вод, включая воздушное пространство над ними, с границами, определяемыми принадлежностью государству». Это земельное пространство с определенными границами. Сочетается со словами, обозначающими название какого-либо государства.

Предел употреблено во втором значении: «*мн. ч.* (пределы, -ов). Естественная или условная черта, являющаяся границей какой-либо территории; рубеж». В языке закона всегда используется с предлогом *вне*. Смысловая разница между этими словами-терминами в тексте закона подчеркивается сочетаемостью слов.

Точно определить и обозначить индивидуальные признаки каждого юридического понятия помогает точный выбор слов, в частности понятийные *синонимы*, когда из всех возможных лексических вариантов (из синонимического ряда) выбирается один, который на основе своей адекватности соответствующему значению становится постоянным средством выражения. Так, в русском языке слово *воровство* имеет значение: «хищение чьей-либо собственности (частной, государственной); кража».

В.И. Даль значение этого слова объясняет через синонимический ряд; «ср. стар.: обман, плутовство, мошенничество, бездельничество, подлог; ныне: кража, хищение, татьба».

В праве *хищение* понимается как «совершенное с корыстной целью противоправное

безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного» (см. комментарий к ст. 158 УК РФ) [19]. Но противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества с корыстной целью можно совершить по-разному: тайно, открыто, путем обмана, невозвращения, нападения с применением насилия или путем продажи, потребления должностным лицом вверенного ему имущества в должностное распоряжение. Значит, термин *хищение* содержит в себе основной признак явления и называет родовое понятие. В этом случае необходима дифференциация близких понятий для того, чтобы правильно определить наказание за каждое преступление.

Поэтому в праве для точного обозначения видовых понятий имеются следующие термины: *кража*, т.е. «тайное хищение чужого имущества» (ст. 158 УК РФ); *мошенничество*, т.е. «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» (ст. 159 УК РФ); *грабеж*, т.е. «открытое хищение чужого имущества» (ст. 161 УК РФ); *разбой*, т.е. «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения насилия» (ст. 162 УК РФ).

Есть еще два вида хищения, при которых похищается или растрачивается чужое имущество, вверенное виновному. Это растрата и присвоение. *Растрата* состоит в продаже, потреблении, отчуждении или передаче третьим лицам вверенного виновному чужого имущества в должностное распоряжение (ст. 160 УК РФ). *Присвоение* представляет собой «неправомерное удержание (невозвращение) чужого имущества в целях обращения его в свою пользу лицом, которому это имущество было вверено» (ст. 160 УК РФ).

К хищению по своим объективным и субъективным признакам близко вымогательство, хотя и не признается таковым (см. комментарий к ст. 163 УК РФ).

Также близки, но не равнозначны понятия *побои* (ст. 116 УК РФ) – *истязания* (ст. 117 УК РФ); *решение* (ст. 198 ГПК РФ) – *приговор* (ст. 297 УПК РФ) – *вердикт* (ст. 343 УПК РФ); *налог – сбор* (ст. 8 НК РФ); *заём – кредит – залог* (ст. 334, 807, 819 ГК РФ); *дивиденды – проценты* (ст. 43 НК РФ); *запрос – истребование* (ст. 149 и 169 АПК РФ) и многие другие, невзирая на их общие признаки.

Таким образом, основное назначение термина – точно и официально обозначить юридическое понятие, со всеми его видовыми признаками, отграничить его от близких по значению явлений.

Следующая важная черта термина – его однозначность. Лингвисты считают: один знак – одно означаемое. К этому стремятся и законодатель при формулировании правовых норм. Тем не менее проблема о «многозначности» юридических терминов время от времени высказывается в работах юристов.

Например, возьмем понятие *доказательства*. Это любые фактические данные об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разбирательства уголовного, гражданского, арбитражного дела, а также об административном правонарушении. Тем не менее в АПК, ГПК, КоАП, ТК и УПК РФ содержатся самостоятельные определения доказательств, отражающие специфику каждого вида процесса.

Залог в гражданском праве – один из основных способов обеспечения обязательств. В уголовном процессе – это мера пресечения, состоящая в деньгах или ценностях, вносимых в депозит суда обвиняемым, подозреваемым либо другим лицом или организацией в обеспечение явки обвиняемого, подозреваемого по вызовам лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда (ст. 99 УПК РФ).

Арест в уголовном праве – один из видов наказания, назначаемого только как основное: содержание осужденного в условиях строгой изоляции от общества (ст. 54 УК РФ); в уголовном процессе арест – мера пресечения, состоящая в заключении обвиняемого под стражу (ст. 107–108 УПК РФ), а в КоАП РФ – самая строгая мера административного наказания (ст. 3.9).

Рассмотрев профессиональную речь юриста, мы можем прийти к такому выводу, что профессионализмы представляют собой обобщающее наименование всех слов, связанных с юридической деятельностью. У профессионализмов на первый план выходит функция экономии языковых средств. Говорящий старается сократить объемную формулировку термина, так как в кругу специалистов и так всем понятно, о чем идет речь.

Во-вторых, профессиональная лексика юриста, защищающего интересы граждан, должна быть доступной, понятной для всех классов и слоев, социальных групп, наций и народностей государства, поэтому степень специализации терминов закона незначительна. Профессиональное общение юриста требует от него развитых коммуникативных качеств, умений и навыков, которые образуются в процессе обучения, а также в процессе практики и самообразования.

Таким образом, юридическая речь очень специфична. Основой профессионализмов в речи юриста являются опознавательные знаки знания профессии. Общение осуществляется в рамках определенного круга отношений, установленных в каждом конкретном случае нормами права, служебными полномочиями, а также задачами юриста как должностного лица.

Список литературы

1. Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 15-е изд., перераб. и доп. М., 1984. С. 706.
3. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968. С. 128.
4. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования: Монография. М., 2010.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 2. С. 273.
6. Пиголкин А.С., Юсупов С.Н. Пути организации работы над правовой терминологией // Советское государство и право. 1983. № 2. С. 45.
7. Тарасов Н.Н. К вопросу о юридических понятиях и дефинициях // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Матер. Межд. «круглого стола», г. Черновцы, 21–23 сентября 2006 г. Н. Новгород: НИИПЦ «Юрид. техника», 2007.
8. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 69.
9. Лызлов Д.Н., Картухин В.Ю. Юридическая техника: Учеб. пособие. М.: Ось-89, 2009. С. 29.
10. Панько К.К. Технико-юридическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т. 2. С. 292.
11. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 160.
12. Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности // Ученые записки Казанского университета. 1989. Т. 65. Кн. 2. С. 64.
13. Кострова М.Б. Язык уголовного закона: ясность, простота, доступность // Уголовное право в XXI веке: Матер. Межд. научно-практ. конф., г. Москва, 31 мая – 1 июня 2002 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 168.
14. Тихонова С.С. Пределы демократизации языка уголовного закона // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 443–448.
15. Научные основы советского правотворчества. М., 1981. С. 302–303.
16. Губаева Т.В., Пиголкин А.С. Лингвистические правила законодательной техники // В кн.: Проблемы юридической техники: Сб. статей / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2000.
17. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1906. С. 32.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 22.06.2018).
19. Комментарий к ст. 158 УК РФ в новой редакции с комментариями. <http://stykrf.ru/158> (дата обращения: 22.06.2018).

THE ROLE OF TERMS AND PROFESSIONAL WORDS IN LEGAL PRACTICE

V.F. Golovanova, S.S. Tikhonova

The article explores the role of terms in legal practice. Professional words are also considered as «semi-official» words used by lawyers. Attention is focused on legal terms and their role in the texts of regulatory legal acts.

Keywords: legal terms, terminology, professionalism, regulatory legal act.

References

1. Yuridicheskaya tekhnika: Kurs lekcij / Pod red. V.M. Baranova, V.A. Tolstika. M.: DGSK MVD Rossii, 2012.
2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. 15-e izd., pererab. i dop. M., 1984. S. 706.
3. Pigolkin A.S. Podgotovka proektov normativnykh aktov. M., 1968. S. 128.
4. Turanin V.Yu. Yuridicheskaya terminologiya v sovremennom rossijskom zakonodatel'stve: teoreticheskie i prakticheskie problemy ispol'zovaniya: Monografiya. M., 2010.
5. Alekseev S.S. Obschaya teoriya prava. M.: Yurid. lit., 1981. T. 2. S. 273.
6. Pigolkin A.S., Yusupov S.N. Puti organizacii raboty nad pravovoj terminologiej // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1983. № 2. S. 45.
7. Tarasov N.N. K voprosu o yuridicheskikh ponyatiyah i definiciyah // Zakonodatel'naya definiciya: logiko-gnoseologicheskie, politiko-yuridicheskie, moral'no-psihologicheskie i prakticheskie problemy: Mater. Mezhd. «kruglogo stola», g. Chernovcy, 21–23 sentyabrya 2006 g. N. Novgorod: NINPC «Yurid. tekhnika», 2007.
8. Yazyk zakona / Pod red. A.S. Pigolkina. M., 1990. S. 69.
9. Lyzlov D.N., Kartuhin V.Yu. Yuridicheskaya tekhnika: Ucheb. posobie. M.: Os'-89, 2009. S. 29.
10. Pan'ko K.K. Tekhniko-yuridicheskoe kachestvo vnutrennih svojstv ugolovnogo zakona // Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie: Sb. statej / Otv. red. V.M. Baranov. N. Novgorod: Izd-vo NA MVD Rossii, 2001. T. 2. S. 292.
11. Montesk'e Sh. Izbrannye proizvedeniya. M., 1955. S. 160.
12. Shershenevich G.F. O chuvstve zakonnosti // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 1989. T. 65. Kn. 2. S. 64.
13. Kostrova M.B. Yazyk ugolovnogo zakona: yasnost', prostota, dostupnost' // Ugolovnoe pravo v XXI veke: Mater. Mezhd. nauchno-prakt. konf., g. Moskva, 31 maya – 1 iyunya 2002 g. M.: LeksEhst, 2002. S. 168.
14. Tikhonova S.S. Predely demokratizacii yazyka ugolovnogo zakona // Yuridicheskaya tekhnika. 2014. № 8. S. 443–448.
15. Nauchnye osnovy sovetskogo pravotvorchestva. M., 1981. S. 302–303.
16. Gubaeva T.V., Pigolkin A.S. Lingvisticheskie pravila zakonodatel'noj tekhniki // V kn.: Problemy yuridicheskoy tekhniki: Sb. statej / Otv. red. V.M. Baranov. N. Novgorod: Izd-vo NA MVD Rossii, 2000.
17. Iering R. Yuridicheskaya tekhnika. SPb., 1906. S. 32.
18. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (red. ot 23.04.2018, s izm. ot 25.04.2018). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (data obrashcheniya: 22.06.2018).
19. Kommentarij k st. 158 UK RF v novej redakcii s kommentarijami. <http://stykrf.ru/158> (data obrashcheniya: 22.06.2018).